

20. Лукьянова, Л. И. Франкистская реформа образования и испанская высшая школа / Л. И. Лукьянова // Проблемы испанской истории: сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1979. – С. 23–45.

21. Berglar, P. Opus Dei: Leben und Werk des Gründers Josemaría Escrivá / P. Berglar. – Salzburg: Otto Müller Verlag, 1983. – 364 s.

22. Ковальский, Н. А. Международные католические организации / Н. А. Ковальский. – М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1962. – 111 с.

23. Великович, Л. Н. Церковь и народный капитализм / Л. Н. Великович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 120 с.

24. Коваль, Т. Б. Католицизм в современной Испании: «количество» и «качество» веры / Т. Б. Коваль // Латинская Америка. – 2009. – № 5. – С. 82–93.

25. Шейнман, М. М. Церковь после собора / М. М. Шейнман // Вопросы научного атеизма: сб. ст. / Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт научного атеизма, редкол.: А. Ф. Окулов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1968. – Вып. 6. II Ватиканский собор (Замыслы и итоги). – С. 412–430.

(Дата подачи: 18.02.2022 г.)

C. B. Nastusevich

Белорусский государственный университет, Минск

S. Nastusevich

Belarusian state University, Minsk

УДК 930.2:929

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЧЕЛОВЕК ВТОРОГО ПЛАНА» В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE RESEARCH PROJECT «THE MAN OF THE SECOND PLAN» IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

В статье рассматривается исследовательский проект «Человек второго плана», созданный в 2003 г. Ростовским отделением Общества интеллектуальной истории при участии исторического факультета Ростовского государственного университета. Определяется значение понятия «Человек второго плана» и оцениваются основные задачи проекта. На примере биографических работ, выполненных в его рамках, выявляются достоинства и недостатки осуществления проекта, а также его взаимосвязь с «новой биографической историей».

Ключевые слова: Человек второго плана; новая биографическая история; персональная история; биографические исследования; Л. П. Репина.

The article discusses the research project «The man of second plan», created in 2003 by the Rostov branch of the Society of Intellectual History with participation of the Historical Faculty of Rostov State University. The meaning of the concept of «The man of second plan» is determined and the main tasks of the project are evaluated. The advantages and disadvantages

of the project implementation, as well as its relationship with the «new biographical history» are revealed by the example of biographical works performed within its framework.

Keywords: the man of second plan; new biographical history; personal history; biographical research; L. P. Repina.

Развитие антропологически ориентированной истории и всеобщее признание микроисторического подхода в 1970–1990-х гг. способствовало теоретико-методологическому обновлению биографического жанра. Благодаря этому появились концепты «персональной истории» в западной историографии и «новой биографической истории» в российской исторической науке, рассматривающие биографию как форму антропологически ориентированного историописания. Важной особенностью нового типа биографических исследований является их изначальная направленность на изучение жизни людей, которых не всегда можно назвать выдающимися историческими деятелями. Это заметно на примере материала, собранного Л. П. Репиной для анализа в статье «“Персональная история”: биография как средство исторического познания», вышедшей в 1999 г. в альманахе «Казус» и положившей начало оформлению нового типа биографических исследований в русскоязычной историографии [1]. Уделив внимание работам, посвященным людям, почти не игравшим какой-либо важной исторической роли (английской придворной даме, пуританскому ремесленнику, флорентийскому торговцу), Л. П. Репина пришла к выводу о перспективе складывания нового направления.

В 2003 г. на базе Ростовского регионального отделения Общества интеллектуальной истории при участии исторического факультета Ростовского государственного университета (с 2006 г. Южный федеральный университет) и специалистов из других российских университетов был создан исследовательский проект «Человек второго плана в истории». Его основной задачей стало привлечение внимания исследователей к проблемам изучения взаимодействий человека и социума в различных культурно-исторических условиях [2, с. 3]. Объектами исследований стали люди «второго плана», которые, по мнению авторов проекта, «в гораздо большей мере, чем личности первой величины, интегрированы в социальный контекст <...>, и потому они нагляднее отражают в характерных чертах своей натуры особенности эпохи и общественной среды, их взрастившей» [3, с. 6]. Подчеркивалось также, что исследовательский интерес к данной проблематике целиком лежит «в русле методологических поисков историографии конца прошлого и начала нынешнего века» [3, с. 3]. Таким образом, проект изначально получил экспериментальный характер и был направлен на коллективное творчество. Авторы проекта организовали ежегодную научную конференцию, по результатам которой стали выпускаться одноименные сборники. Первая методологическая трудность, с которой столкнулись исследователи, заклю-

чалась в необходимости определения критериев, согласно которым можно отделить друг от друга «личность первого плана», «человека второго плана» и «безмолвствующее большинство». Наиболее полно данная проблема освещена в статье А. В. Лубского «Человек второго плана: методологические проблемы “нового биографизма” (“игра в бисер” или нарративная стратегия историко-биографического исследования)» (2015) [4]. Рассмотрев мнения различных исследователей, высказанных на этот счет, автор пришел к выводу, что определить универсальные критерии выделения «человека второго плана» в истории невозможно, поскольку они «обусловлены культурно-историческим контекстом и методологией его изучения» [4, с. 71]. В пользу этого утверждения служит позиция, которую заняли авторы проекта уже во втором выпущенном сборнике: «В конечном итоге “человек второго плана” — это научная метафора, призванная полемически артикулировать предметное поле “новой биографической истории”» [3, с. 6]. Таким образом, данное понятие носит вполне условный характер и применяется с целью выработки предметных границ нового типа биографического исследования на практике. Авторы проекта обозначают данные границы путем объединения статей в различные тематические разделы, наиболее важные из которых мы рассмотрим ниже.

1. Почему не первый? Данный раздел посвящен судьбам людей, сыгравших значительную роль в истории, иногда определяющую развитие целых государств и общественных движений, но при этом, в силу различных причин, не вошедших в число наиболее известных исторических лиц первой величины. Среди наиболее ярких работ, посвященных персонажам подобного рода, выделим статью А. Н. Маркина «Марк Випсаний Агриппа: несостоявшийся император» [5]. Как описывает автор, Марк Випсаний Агриппа (63–12 гг. до н. э.) был ближайшим сподвижником и другом основателя Римской империи Октавиана Августа (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.). После убийства Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до н. э.) он поддержал Октавиана в политической борьбе, помог стать ему консулом, успешно командовал его войсками в наиболее важных сражениях гражданской войны времен второго триумvirата (43–31 гг. до н. э.), по результатам которых привел его к единоличной власти в империи. В течение многих лет Агриппа разделял с Октавианом консульские полномочия, женился на его дочери, а с 18 г. до н. э. фактически стал его соправителем. При этом Октавиан Август наделил своего друга высшей военной властью в империи, оставив за собой лишь гражданское управление, что говорит о высочайшем доверии к нему. Также была наложена чеканка монет с его изображением на аверсе, что указывает на его высокий статус в государстве. Однако Агриппа так и не смог стать первым, навсегда оставшись в тени фигуры Октавиана Августа и практически неизвестным для современного читателя. Причиной этому А. Н. Маркин называет его незнатное происхождение, добропорядочность, безраздельную

преданность императору, отсутствие жажды власти, которая не смогла его развратить. При этом вклад Агриппы в государственное строительство, военные успехи, культурное развитие Римской империи сложно переоценить, как и его личные качества образцового римлянина.

В другой работе «Реформатор второго плана» [6], написанной Л. П. Лаптевой (1926–2016), отражается история жизни Иеронима Пражского (ок. 1380–1416) – ученика и друга Яна Гуса (1371–1415), внесшего значительный вклад в зарождение Гуситского движения. Согласно мнению автора, Иероним Пражский не был идеологом гуситской реформации, не писал сочинений на эту тему и не возглавлял армий. Он был практиком, продвигавшим реформационные идеи с помощью диспутов и организацией протестных акций. Характеризуя эту деятельность, Л. П. Лаптева вводит в повествование широкий социальный, политический и религиозный контексты. Отучившись несколько лет в Пражском университете, Иероним продолжил свое образование в Оксфорде (1399–1401), где подробно изучил и переписал сочинения знаменитого теоретика Реформации Джона Уиклифа (1320–1384). Списки его сочинений Иероним привез в Прагу, благодаря чему заложил интеллектуальную основу Гуситского движения. При этом сам Иероним предпочитал долго не задерживаться на одном месте. В 1405 г. в Сорбоне ему была присвоена степень магистра свободных искусств, после чего он получил право на участие в диспутах и стал проводить их с завидным постоянством в различных университетах (Кельнском, Гейдельбергском, Пражском, Краковском), отстаивая опасные и еретические по своей сути идеи. Посещая различные города (от Парижа до Пскова) и пользуясь гостеприимством разных королей и князей (Чехия, Венгрия, Польша, ВКЛ), Иероним не очень часто бывал в Праге, но, возвращаясь туда, каждый раз оказывался в центре важных событий. Однако несмотря на то, что он стал самым известным представителем пражского виклифизма за границами Чешского королевства, внутри страны его заслонила фигура Яна Гуса, которого, впрочем, Иероним полностью поддерживал. Когда Яна Гуса заключили под стражу на Констанцском соборе (1414–1418), Иероним Пражский попытался ему помочь, но был схвачен и сожжен на костре почти через год после своего учителя.

Как видим, героев рассмотренных работ сложно назвать людьми «второго плана». Влиятельность и значительность их роли в исторических событиях бесспорны, а их имена были хорошо знакомы современникам. Однако, по историческим меркам они оказались в тени более знаковых фигур своего времени и потому попали в данный раздел. В своих работах авторы поставили себе задачу выяснить причины этого и ответить на поставленный в заголовке вопрос.

2. В тени великих. Данный раздел подобен рассмотренному выше, за исключением того, что представленные здесь герои, оказывая значительное

влияние на исторические события, никогда не претендовали на роль первых лиц своего времени.

Рассмотрим работу Э. М. Дусаевой «Бонавентура и “титаны” XIII в.» [7]. В центре повествования автора находится фигура средневекового теолога св. Бонавентуры (ок. 1217–1274). В настоящее время он наиболее известен тем, что он написал житие св. Франциска Ассизского (ок. 1182–1226), с которым была тесно связана его собственная судьба: начиная от получения монашеского имени и заканчивая управлением и реорганизацией Францисканского ордена (1257–1274). В свое время Бонавентура приобрел значительное влияние: благодаря его содействию в 1271 г. был избран Папа Римский Григорий X (ок. 1210–1276), который отблагодарил его назначением в кардиналы. Также Бонавентура принял активное участие в подготовке и работе Второго Лионского Собора (1274), по результатам которого была заключена церковная уния с Константинопольским патриархатом, просуществовавшая до 1282 г. Между сессиями Лионского собора Бонавентура умер. В 1482 г. состоялось его канонизация Ватиканом, а в 1587 г. он был возведен в ранг учителей церкви. Между тем, как указывает Э. М. Дусаева, в восприятии современного общества фигура св. Бонавентуры меркнет на фоне других учителей церкви XIII в. – св. Франциска Ассизского и св. Фомы Аквинского (ок. 1225–1274). Автор объясняет это посмертным влиянием личностей и философских учений последних. Так, в XIX в. неомизм стал официальной идеологией Ватикана, а св. Бонавентура в сравнении с Фомой Аквинским, по мнению многих исследователей, не привнес в философию ничего нового. В то же время св. Франциск Ассизский стал основателем ордена, подав пример самой своей жизнью, тогда как св. Бонавентура являлся лишь продолжателем его дела [7, с. 77–78]. Таким образом, выбранный герой, несмотря на высокое прижизненное влияние, оказался на позициях «вечного второго», не имеющего шансов превзойти своих современников.

Рассмотрим также работу А. Л. Филоненко «Советник В. И. Ленина по экономическим вопросам Юрий Ларин» [8]. Герой данной статьи М. А. Лурье (1882–1932), известный в свое время под псевдонимом Юрий Ларин, оказывал довольно значительное влияние на политику молодой Советской республики. Однако советские и современные исследователи обходят его личность стороной. Как указывает автор, отчасти это связано с отрицательным отношением к нему со стороны советской партийно-идеологической номенклатуры, поскольку Ю. Ларин некоторое время был меньшевиком и придерживался неортодоксальных взглядов на развитие страны. Известность он получил во время Первой мировой войны благодаря письмам, написанным из Германии, в которых раскрывались особенности военно-политических и экономических мер воюющей страны. По мнению А. Л. Филоненко, данный материал позволил В. И. Ленину (1870–1924) обосновать перспективность развития социализма в России в начале XX в. Этот момент автор называет

ключевым в восхождении Ю. Ларина на вершину власти. В 1917 г. группа меньшевиков, которую он возглавлял, вошла в состав РСДРП(б). После захвата власти большевиками Ю. Ларин развернул интенсивную деятельность. По мнению автора, именно он был фактическим создателем системы «военного коммунизма», возглавляя при этом Комитет хозяйственной политики Высшего совета народного хозяйства (КХП ВСНХ), ставшего «мозговым центром» в области экономического развития советского государства в первые годы его существования. Во время переговоров с делегацией из Германии по вопросам экономического сотрудничества Ю. Ларин активно лоббировал проект о национализации промышленности, а после внес предложение о создании главков, что позволило объединить и организовать промышленность в тяжелых условиях гражданской войны. Тем не менее к ее концу влияние Ю. Ларина на партийное руководство ослабло, и он навсегда остался в тени более известных советских деятелей. В своей работе автор не объясняет причин этого ослабления, что отрицательно сказывается на полноте образа выбранного персонажа.

Как видим, герои, попавшие в данный раздел, как и те, что были рассмотрены ранее, оказывали значительное влияние на исторические события своего времени. Но, в отличие от первых, они не претендовали на безусловное лидерство и всегда оставались в тени более значимых по историческим меркам фигур.

3. Женские судьбы в «мужской» истории. Данный раздел в сборниках исследуемого проекта посвящен жизнеописаниям тех женщин, которые вынуждены были «играть» по правилам мужской истории или не стремились выйти на первый план исторического процесса.

Среди множества работ данной категории выделим статью Е. В. Тихоновой «“Дочь пустыни” Гертруда Белл» [9]. В центре ее повествования находится история жизни британской разведчицы, путешественницы и археолога Г. Белл (1868–1926), сыгравшей важнейшую роль в процессе формирования территории современного Ирака. Г. Белл родилась в семье владельца сталелитейных заводов на севере Англии. Она получила блестящее историческое образование в оксфордском Колледже леди Маргарет (1888), став первой женщиной, которой в этом учебном заведении во всех выпускных испытаниях поставили высшие баллы. В 1890 г. под влиянием своего дяди Ф. Ласселза (1841–1920), бывшего в то время послом Великобритании в Румынии (1887–1891), а затем в Персии (1892–1894), девушка посетила Бухарест и Стамбул, а в 1892 г. отправилась в Тегеран. В результате этих поездок Восток навсегда запечатлелся в ее сердце. В Тегеране она едва не вышла замуж за первого секретаря британской дипмиссии Г. Кадогена (1859–1893), но тот умер от холеры. В 1897–1898 гг. она совершила кругосветное путешествие, в 1899 г. отправилась в Палестину, где участвовала в археологических раскопках, а в 1900 г. в Аравию. В том же году она по-

сетила Ливан и Сирию, искренне интересуясь жизнью местных народов. В 1902–1903 гг. Г. Белл совершила второе кругосветное путешествие, а в 1907 г. приняла участие в археологических раскопках раннехристианских храмов в Малой Азии. В 1912 г. Г. Белл отправилась в Багдад, где вступала в тесные контакты с местными жителями. Там же она познакомилась со студентом Оксфорда Т. Э. Лоуренсом (1888–1935), впоследствии прославившемся под именем Лоуренса Аравийского. С 1913 г. английское правительство стало поручать ей секретные миссии, целью которых было укрепление позиций Лондона на Ближнем Востоке. Во время Первой мировой войны Г. Белл служила в британской разведке, где совместно с Лоуренсом Аравийским готовила почву для мобилизации арабов против Османской империи. В 1919 г. она участвовала в Парижской мирной конференции, а в 1920 г. убедила Лондон поставить во главе Иракского государства местное правительство. В 1921 г. У. Черчилль (1874–1965) поручил Г. Белл определить границы будущего государства [9, с. 278]. Кроме того, по мнению Е. В. Тихоновой, именно ее авторитет среди местных народов сыграл решающую роль в приходе к власти в 1921 г. Фейсала I из дома Хашемитов (1883–1933), ставшего первым королем на иракском престоле. Последнее, что задумала сделать Г. Белл, было создание в Ираке археологического музея, однако этим планам не суждено было сбыться из-за резко ухудшающегося здоровья, в результате чего в 1926 г. она умерла в Багдаде. Как указывает Е. В. Тихонова, личность Г. Белл необыкновенна хотя бы потому, что она смогла добиться неподдельного уважения среди мусульман-мужчин в начале XX в. Тем не менее тот же Лоуренс Аравийский призывал не преувеличивать ее роль в иракской истории. Примечателен и тот факт, что в культовом фильме «Лоуренс Аравийский» (1962), снятом Д. Лином (1908–1991) и удостоенном семи премий «Оскар», в котором повествуются события 1916–1918 гг., нет женских персонажей, что прекрасно иллюстрирует место женщин в коллективной памяти о событиях того времени. Таким образом, вне зависимости от своей роли в событиях, развернувшихся в начале XX в. на Ближнем Востоке, фигура Гертруды Белл была отодвинута на второй план.

Также, для нас представляет интерес работа Е. А. Паламарчука «Ева Браун: стать женой фюрера и умереть» [10]. Героиня этой работы Е. Браун (1912–1945), ставшая супругой А. Гитлера (1889–1945) за день до их совместного самоубийства, известна на весь мир. Познакомились они в 1929 г. в фотостудии Г. Гофмана (1885–1957), где девушка работала ассистенткой. Первое время А. Гитлер не обращал особого внимания на свою поклонницу, что в итоге привело ее к продолжительной депрессии. В ночь на первое ноября 1932 г. Е. Браун попыталась покончить с собой выстрелив себе в шею. Пуля застряла возле сонной артерии и девушку успели спасти. Этот поступок тронул фюрера за живое, и тот увлекся ей на некоторое время. После второй попытки суицида, совершенной в мае 1935 г., А. Гитлер при-

обрел для нее дом в пригороде Мюнхена и автомобиль с личным шофером и охраной. Многие исследователи считают, что за действиями Е. Браун кроется желание привлечь к себе внимание фюрера. Каждый раз после очередной попытки суицида А. Гитлер вспоминал о ее существовании и одаривал подарками, словно пытаясь загладить свою вину. Однако это отнюдь не упрощало жизнь Е. Браун. Она была одержима ревностью, а фюрер, в свою очередь, постоянно давал для этого поводы. Среди армии его поклонниц Е. А. Паламарчук выделяет киноактрис О. К. Чехову (1897–1980) и Р. Мюллер (1906–1937), невестку его любимого композитора В. Вагнер (1897–1980), дочь британского аристократа Ю. В. Митфорд (1914–1948), а также известную танцовщицу и кинорежиссера Л. Рифеншталь (1902–2003). Е. Браун старалась скомпрометировать своих соперниц в глазах А. Гитлера, и часто ей это удавалось, что вело к новым жертвам. В 1936 г. она переехала в Бергхоф – резиденцию фюрера, построенную в баварских Альпах. Однако и после этого А. Гитлер не желал появляться с ней на публике. В результате мало кто знал о ее существовании. Это тяготило Е. Браун несмотря на то, что ее жизнь была наполнена материальным достатком и различного рода развлечениями. С началом войны ее влияние на фюрера некоторым образом возросло, хоть А. Гитлер никогда высоко не ценил ее личные качества. Тем не менее она осталась ему верна до конца и 30 апреля 1945 г., после того как добилась желаемого, добровольно ушла вместе с ним из жизни. Подводя итог, Е. А. Паламарчук указывает на то, что Е. Браун никогда не обладала каким-либо влиянием на политику, проводимую А. Гитлером. Ее поступки скорее свидетельствуют о безумной одержимости фюрером. Она всегда оставалась в его тени и если бы не страстное и смертельное увлечение, то Е. Браун никоим образом не смогла бы войти в историю.

На примере статей, размещенных в данном разделе, хорошо видно, сколь разными могут быть «персонажи второго плана». В то время, когда героиня первой статьи (Г. Белл) оказывала реальное воздействие на исторический процесс, была захватывающей и необыкновенной личностью, а память о ней едва сохранилась, героиня второй статьи (Е. Браун) не играла какой-либо существенной роли в истории, но, тем не менее, про нее слышал едва ли не каждый. Подобные противоречия придают особую ценность рассматриваемому проекту, позволяющему по-иному и более осмысленно расставить сложившееся в исторической науке акценты.

Исследовательский проект «Человек второго плана» далеко не исчерпывается рассмотренными нами разделами. Тем не менее представляется возможным подвести некоторые итоги. Проект «Человек второго плана» в целом успешно выполняет поставленные перед ним задачи. Во-первых, благодаря его осуществлению перед читателем открывается новый срез для рассмотрения исторического процесса, представленного индивидуальными судьбами людей и воплощенного в конкретной жизненной практике. Во-

вторых, авторам проекта действительно удалось обозначить границы предметного поля «новой биографической истории», в пределах которых самостоятельной познавательной ценностью обладает жизнеописание индивида любого калибра. Единственным условием для проведения исследований подобного рода является наличие достаточного объема исторических источников. Однако в выбранной стратегии реализации проекта присутствует и ряд существенных недостатков. Во-первых, проект осуществлялся в малых формах историописания (научных статьях), которые не позволяют включить в биографическое повествование широкий исторический контекст. В результате страдает методологическая сторона этих исследований, а сами работы менее всего походят на труды, выполненные в духе «новой биографической истории». Во-вторых, в проекте не нашлось места для крупных междисциплинарных исследований, что свидетельствует о его теоретической ограниченности.

Список использованных источников

1. *Репина, Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания / Л. П. Репина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1999. – Т. 2. – С. 76–100.
2. *Мининков, Н. А.* Человек второго ряда как исследовательская проблема / Н. А. Мининков // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2004. – Вып. 1. – С. 4–12.
3. *Мининков, Н. А.* Человек второго плана в контексте современной историографии / Н. А. Мининков, А. В. Кореневский, А. И. Иванеско // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2005. – Вып. 2. – С. 3–8.
4. *Лубский, А. В.* Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) / А. В. Лубский // Ейдос. – 2014–2015. – Вып. 8. – С. 67–84.
5. *Маркин, А. Н.* Марк Випсаний Агриппа: несостоявшийся император / А. Н. Маркин // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2005. – Вып. 2. – С. 9–25.
6. *Лаптева, Л. П.* Реформатор второго плана / Л. П. Лаптева // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2005. – Вып. 2. – С. 26–53.
7. *Дусаева, Э. Н.* Св. Бонавентура и «титаны» XIII в. / Э. Н. Дусаева // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2006. – Вып. 3. – С. 70–79.
8. *Филоненко, А. Л.* Советник В. И. Ленина по экономическим вопросам Юрий Ларин / А. Л. Филоненко // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Ростов. гос. ун-т. – Ростов-н/Д., 2006. – Вып. 3. – С. 93–102.
9. *Тихонова, Е. В.* «Дочь пустыни» Гертруда Белл / Е. В. Тихонова // Человек второго плана в истории: сб. науч. ст. / Южный федеральный университет. – Ростов-н/Д., 2007. – С. 267–280.

10. Паламарчук, Е. А. Ева Браун: стать женой фюрера и умереть / Е. А. Паламарчук // Слава и забвение: парадоксы биографики: сб. науч. ст. / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет, редкол.: Л. П. Репина (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Алетея, 2014. – С. 371–384.

(Дата подачи: 14.02.2022 г.)

С. В. Олюнин

Республиканский институт высшей школы, Минск

S. Olunin

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(560)

ТУРЕЦКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

TURKISH HISTORICAL SOCIETY: AT THE ORIGINS OF THE CREATION OF NATIONAL HISTORIOGRAPHY

В статье рассматривается процесс становления турецкого исторического знания на примере деятельности Турецкого исторического общества. Проанализированы структура, условия возникновения, юридический статус, а также деятельность организации, направленная на поддержку и развитие исторических исследований. Раскрываются основные направления исторических исследований в рамках национального дискурса.

Ключевые слова: Турецкое историческое общество; Мустафа Кемаль Ататюрк; история Турции; национальная историография.

The article considers the process of formation of Turkish historical knowledge on the example of the activities of the Turkish Historical Society. The structure, conditions of origin, legal status, as well as the activities of the organization aimed at supporting and developing historical research are analyzed. The main directions of historical research within the framework of national discourse are revealed.

Keywords: Turkish Historical Society; Mustafa Kemal Atatürk; history of Turkey; national historiography.

Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu) сегодня – это авторитетная организация, существующая под указанным наименованием с 1935 г., объединяющая профессиональных историков как из самой Турции, так и других стран. Миссией общества, территориально располагающегося в Анкаре, является поддержка и развитие исследований истории Турции и турок в рамках современного понимания социальных наук, а также развитие исторического сознания в обществе. В структуру Общества включены Научный совет и четыре управления: Стратегического развития, Научных исследований, HR и вспомогательных служб, а также библиотеки